

В. Б. КАСЕВИЧ

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 80/81
ББК 81
К 28

Издание осуществлено при финансовой поддержке
*Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012—2018 годы)»*

Касевич В. Б.

К 28 Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 192 с. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

ISBN 978-5-9551-0538-3

В настоящем издании собраны труды видного российского лингвиста В. Б. Касевича, посвященные проблемам когнитивной лингвистики — интенсивно развивающейся отрасли современного языкознания. В разделах книги рассматриваются основные проблемы когнитивной лингвистики и на конкретных примерах демонстрируются особенности когнитивного подхода к исследованию вопросов, связанных с языком и мышлением, языком и психикой человека и т. п.

Для специалистов по общему языкознанию и всех интересующихся языком и мышлением человека.

ББК 81

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0538-3

© Языки славянской культуры, 2013
© В. Б. Касевич, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Когнитивная лингвистика в контексте когнитивных наук	9
Когнитивные науки и междисциплинарность	11
Сфера когнитивности	14
Когнитивная лингвистика , когнитивная лингвистика или когнитивная лингвистика ?	17
Является ли лингвистика наукой? (по поводу статьи Жильбера Лазара).	19
И еще о когнитивной лингвистике	28
Картина мира и ее базисные категории	37
Пространство и время	38
Категоризация объектов действительности	49
Субъектно-объектные отношения	51
Языковые структуры и когнитивная деятельность	57
Язык и знание	68
Семантические примитивы: эмпирическая верификация, психологические и логические аспекты	85
Общие замечания	85
Семантические примитивы и экспериментальная верификация	87
Примитивы, семантика, перевод	94
Примитивы в контексте психологии	98
Примитивы в контексте логико-философских проблем	100
Заключение	103
Можно ли единожды войти в одну и ту же реку?	105
Системы пространственной ориентации и их отражение в языке	113
Апофатическая грамматика	123
<i>Грех</i> и <i>аффект</i> : некоторые проблемы семантики	128

Концепт «концепт»	135
Язык, телеология и теология	141
О межкатегориальных связях в языке	150
Системность языка и связи между категориями.	
Синтагматика и парадигматика	150
Инфинитив и императив	151
Императив и условность	154
Категории грамматики и категории словаря	158
Язык и культура	161
Вместо заключения	174
Список литературы	176

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИМИТИВЫ:
ЭМПИРИЧЕСКАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ,
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ***

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

О семантических (лексико-семантических) примитивах написано так много (и по большей части так хорошо), что требуются достаточно серьезные основания, чтобы вновь открывать обсуждение этой проблемы. Такими основаниями нам видятся, по крайней мере, новые экспериментальные данные, которые приводятся в настоящем разделе. Эксперименты этого типа как будто до сих пор не ставились, хотя их уместность и, более того, релевантность для решения важных вопросов теории представляются абсолютно очевидными. Возможно, не покажутся тривиальными и те теоретические «выкладки», что фигурируют в соответствующих подразделах.

Основная проблема лингвистической семантики — это проблема ее метаязыка. Задача семантической интерпретации лексических и грамматических единиц (конструкций и др.) решена тогда, когда каждая из них получает уникальное (отвлекаясь от синонимии и, возможно, полисемии) толкование, где элементы (мета)семантического словаря связаны определенными отношениями.

В принципе признаются возможными два пути построения семантического метаязыка: либо «как расширение логического языка исчисления предикатов» [Апресян 1995: 31], либо как сужение естественного языка. Оба пути связаны с поиском элементарных смыслов («элементарных значений», «атомарных предикатов», «базисных слов», «семантических примитивов»), которые могли бы составить словарь семантического метаязыка, а разные комбинации таких предельных, простых элементов — своеобразного алфавита смысловых

* В соавторстве с Н. И. Кулаковой. Впервые в: *Язык и речевая деятельность*. 2001. Т. 4. Ч. 1. С. 26—41.

атомов — позволили бы описать любые более сложные значения в языке.

Идея элементарных смыслов, как известно, заимствована лингвистами у философов XVII в. (Г. Лейбниц, Б. Паскаль, Дж. Локк и др.), ср. высказывание Лейбница: «“Алфавит человеческих мыслей”... есть каталог тех <понятий>, которые мысленно представимы сами по себе и посредством комбинаций которых возникают остальные наши идеи» (цит. по [Вежбицкая 1983: 229]). Мы не будем излагать историю вопроса, которая прекрасно представлена в работах А. Вежбицкой [Вежбицкая 1983; 1999; Goddard, Wierzbicka 1994 и др.], Ю. Д. Апресяна [Апресян 1969; 1994], Е. В. Падучевой [Падучева 1996] и др.

Уже сама по себе природа элементов метаязыка (= «алфавита мыслей»?) — вопрос кардинальной важности, отнюдь не имеющий очевидного решения. Разумеется, не случайно в истории лингвистики отмечаются многочисленные попытки обойти этот вопрос, заменив психологическими или логическими сущностями признаки, категории, элементы собственно семантические и тем самым поставив последние вне лингвистики. Для начала ограничимся допущением, согласно которому язык лингвистического описания с необходимостью включает собственно семантические признаки (элементы, категории), которые суть не что иное, как формальные (формализованные) аналоги когнитивных, ментальных структур, ассоциированных, подчас сложным образом, со структурами плана выражения (ср. [Апресян 1995]).

Формализованный характер семантических представлений предполагает, что их адекватность устанавливается с использованием по преимуществу формальных же средств верификации. Например, семантическая аномальность знаменитого примера Хомского *Зеленые бесцветные идеи яростно спят* легко устанавливается обращением не только к интуиции носителя языка, но и прежде всего к словарным толкованиям соответствующих слов: в толкование лексемы *бесцветный* входит, естественно, указание на отсутствие признака ‘цвет’ (как бы ни толковался, в свою очередь, этот последний), в то время как лексема *зеленый* именно на наличие соответствующего признака и указывает, в результате имеем формально-логическое противоречие между двумя предикатами одного и того же термина, когда ему одновременно приписывается присутствие и отсутствие признака ‘цвет’¹.

¹ Более точно было бы говорить, что для такого термина пропозиции, как ‘идея’, признак ‘цвет’ в своем буквальном прочтении вообще принципиаль-

Аналогичным образом нетрудно показать и формальную неадекватность прочих сочетаний в приведенном примере.

В то же время когнитивные истоки семантических представлений указывают на то, что вполне осмысленны и даже желательны попытки установления соответствий между формально-семантическими структурами и определенными свидетельствами речевого поведения носителя языка, попытки «поверить алгебру» семантического описания интуицией. Особенно желательны такого рода обращения к интуиции в условиях неединственности теоретических решений, которая, как известно, не столь редка в работе с формальными системами. Из теоретически равно приемлемых описаний предпочтительнее то из них, которое лучше соответствует интуиции носителей языка — обладает большей «психологической (психолингвистической) реальностью»². Возникает проблема выбора методик, которые способны были бы обеспечить экспериментальную верификацию — получить эмпирические свидетельства в пользу соответствия (несоответствия) теоретического описания внутренним механизмам носителя языка.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИМИТИВЫ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ

Оба обозначенных в предыдущем разделе аспекта — выбор языка семантического описания и связь этого языка с психологической реальностью — стремится отразить концепция А. Вежбицкой. По мысли автора, лексико-семантические примитивы выступают в качестве универсального метасловаря семантического описания, на базе которого строятся (мета)семантические соответствия лексических и грамматических единиц. Такой язык, как подчеркивает А. Вежбицкая, делает сложное простым, запутанное — понятным, он настолько ясен, что

но иррелевантен, но для наших иллюстративных целей это не очень существенно.

² Здесь и везде в тексте настоящего раздела не имеется в виду метаязыковая интуиция («наивные» представления о языке), но только лишь интуиция языковая, т. е. нормально не осознаваемые связи и отношения во внутренних механизмах носителя языка, управляющих его речевой деятельностью. Стоит также оговорить, что под верификацией формального описания понимается не обоснование выбора теории (которое, строго говоря, внеэмпирично), но проверка *конкретных решений*, получаемых при применении данной теории, на совместимость с поведенческими и подобными им данными.

не требует объяснения [Вежицкая 1983: 226]. Поэтому толкования, составленные на нем, выступают как самопонятные, однозначные и абсолютно доступные для носителей языка, т. е. обладают «непосредственной проверяемостью и объяснительной силой» [Wierzbicka 1991: 7].

Тезис о «непосредственной проверяемости» представляется чрезвычайно существенным. Фактически из него, равно как из всего контекста рассуждений Вежицкой, следует, что любое толкование, построенное по ее методу, носитель языка способен отождествить с соответствующей лексемой, словоформой, дериватом и т. п. По содержанию такая процедура отождествления будет вполне аналогичной обращению к традиционному толковому словарю с двумя, однако, отличиями: (1) при использовании толкового словаря означаемым снабжается экспонент незнакомого слова, в то время как при соотнесении толкования и лексемы последняя предполагается знакомой; (2) существующие толковые словари обычно не оперируют специально отобранными примитивами («смысловыми атомами»). В то же время известно, что некоторыми исследователями (М. Мамудян) проводились эксперименты, в ходе которых испытуемым предлагалось «восстановить» лексемы по толкованию обычных словарей (Webster, Larousse, Robert). Естественна мысль аналогичным образом проверить «психологическую реальность» (мета)семантических конструкций, полученных методом Вежицкой [Касевич 1999].

С этой целью было проведено два эксперимента³; в обоих испытуемые получали инструкцию выбрать из предложенных лексем те, которые, с их точки зрения, отвечают данной семантической конструкции примитивов. Первый эксперимент (далее эксперимент 1.1) строился на материале аффективных дериватов русских имен собственных и их толкований, предложенных Вежицкой — всего 52 единицы, например, предлагалось определить, какому варианту имени — *Наташенька*, *Наташа*, *Натальюшка* или *Наташечка* — соответствует то или иное толкование из числа предложенных Вежицкой. Во втором эксперименте (эксперимент 1.2) аналогичным образом устанавливались соответствия между толкованиями лексем, важных для русской культуры [Wierzbicka 1997], — *друг*, *приятель*, *товарищ*, *свобода*, *воля* — и самими этими лексемами.

³ Предварительные результаты экспериментов уже публиковались, см. [Кулакова 1998; Касевич, Кулакова 1999].

Своеобразным фоном (эксперимент 2) служила такая же проверка традиционных лексикографических дефиниций, которые нередко критикуются, особенно в последнее время. Они, по мнению ряда авторов, не всегда адекватно отражают все компоненты семантики слова, фиксируют некоторые лишние признаки и не фиксируют существенные, не отражают все ситуации употребления, не учитывают «наивной картины мира» [Апресян 1969: 15]. «В качестве “эквивалента”, при помощи которого объясняется значение другого слова, часто выступают синонимы...» [Евгеньева 1966: 18—19] или чересчур «абстрактные дефиниции» [Касарес 1958: 176]. Эти недостатки не позволяют построить последовательное и исчерпывающее описание семантического уровня языка, где все элементы связаны определенными отношениями; «лексико-семантическая система представлена в словарях лишь в отдельных частях, причем с разной степенью отражения составляющих элементов» [Евгеньева 1966: 18—19] (см. также [Мельчук 1995: 6—7]).

Вместе с тем традиционные толковые словари широко используются в практике изучения и преподавания языка, они выступают как привычное орудие любого, кто имеет дело с текстами на родном или ином языке, когда в этих текстах представлена неосвоенная или недостаточно освоенная лексика. Поэтому было принято решение включить в экспериментальную программу традиционные толкования из наиболее «массового» словаря русского языка, составленного С. И. Ожеговым, чтобы сравнить реакции испытуемых на словарные дефиниции (= толкования) «по Ожегову» и «по Вежбицкой». Материалом эксперимента 2 были 8 слов, включая 5 слов, использованных в эксперименте 1.2.

В качестве испытуемых выступали студенты Санкт-Петербургского университета (в каждом эксперименте участвовало около 100 человек, всего 223 человека в возрасте 17—18 лет).

Эксперименты проводились на учебных занятиях, анонимно, чтобы добиться максимальной свободы и спонтанности в ответах. В предложенных информантам анкетах инструкцию предваряла преамбула-объяснение — сжатое и по возможности упрощенное описание материала и содержания эксперимента. Вот образец преамбулы из анкеты для эксперимента 1.1: «Ниже приведены толкования личных имен (их экспрессивного значения), скомпонованные из простейших повторяющихся слов и синтаксических конструкций (словосочетаний и предложений). Данные толкования, по мнению их автора (А. Вежбицкой), отражают скрытые в имени смыслы, которые

интуитивно понимает каждый носитель русского языка. А. Вежицкая раскладывает значения имен на составляющие, каждую из которых описывает отдельным предложением. Например: «Называя тебя “Андрюшенька” я испытываю по отношению к тебе... и хочу говорить с тобой как...».

После прамбулы-объяснения были последовательно расположены задание и атомизированные толкования, предложенные А. Вежицкой. В экспериментах 1.1 и 1.2 испытуемые, как уже говорилось, должны были выбрать ту лексему из предложенного набора, которая, с их точки зрения, соответствовала данному лексикографическому толкованию.

При предъявлении толкований из словаря С. И. Ожегова в эксперименте 2 информантам предлагалось произвести идентификацию лексем по их толкованиям без опоры на перечень вариантов ответа.

Для экспериментов 1.1 и 1.2 данные характеризуются сравнительно низким коэффициентом согласия ответов испытуемых: за вычетом данных по слову *друг*, он редко достигает 70 % (см. табл. 1, 2). Соответственно разброс по вариантам в каждом из случаев достаточно велик.

В то же время относительно высокий коэффициент согласия в большинстве случаев отнюдь не означает «адекватности» распознавания (по отношению к ожиданиям «по Вежицкой»). Например, толкование формы на *-еньк-* (*Гришенька*) большинством испытуемых было опознано как форма на *-ш-* (*Гриша*) (61 %), а в пользу варианта с *-еньк-* высказались всего 24 %; толкование формы на *-ок-* (мужское имя, например, *Паюк*) было отнесено к нейтральной форме с суффиксом *-ш-* (*Паша*) (45 %), в то время как за форму на *-ок-* высказались всего 15 %. Большой разброс по вариантам получили наиболее употребительные формы хорошо знакомых имен (*Миша*, *Мишенька*, *Мишка* и т. п.)

Как оказалось, информантам легче было произвести идентификацию при поиске соответствий между именами и толкованиями редко употребляемых, «интересных», а следовательно, наиболее экспрессивных форм. Сравнительно высокий коэффициент согласия с толкованиями Вежицкой (55 % и 47 %) в эксперименте 1.1 информанты обнаружили по поводу форм женских имен на *-ик-* (*Светик*) и *-ок-* (*Лизок*), которые реже употребляются, чем другие формы, и были восприняты носителями языка как редкие, непривычные.

Таблица 1

Опознание лексем по их толкованиям (эксперимент 1.2, %)

Толкования	Ответы информантов													
	-еньк- (-оньк-)	-юшк- (-ушк-)	-оньш- (-еньш-)	-юш- (-уш-)	-к- (нейтр. форма после -ш-)	-ок- (форма ж. имени)	-ок- (форма м. имени)	-ик- (форма ж. имени)	-ик- (форма м. имени)	-чк- (-чк-)	Полн. маркир. форма	Краткая форма на -ш-	-ик- (форма м. имени)	-онк- (-онк-)
-еньк- (-оньк-)	24									3	12	61		
-юшк- (-ушк-)	50	13								18				
-оньш- (-еньш-)		12	32										36	20
-юш- (-уш-)	14			35						7		44		
-к- (нейтр. форма после -ш-)	14				37		9					40		
-ок- (форма ж. имени)	9					47					10	34		
-ок- (форма м. имени)		3			45		15					37		
-ик- (форма ж. имени)	5		25							15				
-чк- (-чк-)	26			17		7				5				
Полн. маркир. форма	2				20						50	28		
Краткая форма на -ш-	40				14						14	30		
-ик- (форма м. имени)					15		10			34			41	
-онк- (-онк-)		11			16						15			58

Таблица 2

Опознание лексем по их толкованиям (эксперимент 1.2, %)

Толкования А. Вежбицкой	Ответы информантов				
	Друг	Товарищ	Приятель	Свобода	Воля
Друг	92,4	4,2	3,4		
Товарищ	6,7	59,7	33,6		
Приятель	10,1	31,1	58,8		
Свобода				41,2	58,8
Воля				62,2	37,8

Наибольший процент согласия с А. Вежбицкой в эксперименте 1.1 (58 %) получила форма на *-енок-* (*Никитенок*), что легко объяснимо; ведь носителям русского языка этот суффикс известен именно со значением ‘детеныш’ (ср. *зайчонок*, *котенок*), а в толковании А. Вежбицкой один из компонентов — это: «...*хочу говорить с тобой так, как если бы ты был детенышем животного, а не ребенком*».

В эксперименте 1.2 наивысший коэффициент согласия отмечался для слов *свобода* и *воля* (58,8 % и 62,2 % соответственно), но и здесь ответы расходились с ожидаемыми; к тому же толкования данных слов набрали максимальное число отказов. Как уже отмечалось, некоторым исключением здесь стало слово *друг* (92,4 %), значимое в русской культурной традиции и активно используемое носителями языка с детства. В толковании Вежбицкой оно получило такие компоненты, которые делают идентификацию слова для носителя русского языка практически безошибочной: «*Я знаю: я могу сказать этому человеку что угодно; ...когда что-нибудь плохое случится с ним, я не могу не помочь этому человеку...*».

Что касается толкований из словаря С. И. Ожегова, то по всем словам, кроме *воля*, наблюдался коэффициент согласия информантов выше 70 % (см. табл. 3), причем согласие информантов хорошо коррелировало со словарем (хотя задача выглядела более сложной — назвать слово, а не выбрать из нескольких вариантов).

Как и для эксперимента по верификации толкований А. Вежбицкой, наибольшие затруднения вызвали слова *свобода*, *воля*: они набрали максимальное число отказов (5,9 % и 4,2 %), а при идентификации *воли* информанты выдвинули наибольшее число вариантов — 18.

Таблица 3

Опознавание лексем по их толкованиям (эксперимент 2, %)

Толкования из словаря С. И. Ожегова	Ответы информантов			Отказ
Друг	Друг (76,5)	Родственник (6,7)	Другие ответы (4,2)	4,2
Приятель	Приятель (76,5)	Друг (17,6)	Другие ответы (5,9)	-----
Товарищ	Товарищ (70)	коллега (26)	Другие ответы (9,2)	5,9
Свобода	Свобода (73,9)	Воля (11)	Другие ответы (9,2)	5,9
Воля	Воля (37)	Независимость (16,8)	Другие ответы (42)	4,2

Как следует интерпретировать полученные данные? Что касается результатов, полученных с использованием дефиниций словаря С. И. Ожегова, кажется уместным привести высказывание И. А. Мельчука [Мельчук 1995: 7], относящееся к тому же словарю: «Порочные круги (выявленные во многих дефинициях Ожегова. — В. К., Н. К.) делают всю систему толкований бессмысленной (с точки зрения строгой логики; читатель-человек способен извлекать полезные сведения даже из круговых определений)». То же можно повторить и применительно к самому типу толкования традиционных словарей: с одной стороны, они «ненаучны» уже потому, что научный подход безусловно предполагает, среди прочего, использование для толкований только тех семантических элементов, которые были бы проще толкуемого; с другой стороны, для носителя языка достаточно, чтобы употребляемая в словарной статье лексика была понятной и чтобы текст толкования удачно «намекал» на искомое значение (здесь лексикография становится не столько наукой, сколько своего рода искусством).

Атомизированное толкование по методу Вежбицкой, по существу, задает некоторый формализм, которым нужно *овладеть* — «а на это могут потребоваться дни (как минимум. — В. К., Н. К.)» [Там же: 6]. Иначе говоря, надежды на «непосредственную проверяемость» адекватности толкований по методу Вежбицкой и родственных ему представляются неоправданно преувеличенными. По крайней мере, на это указывают данные наших экспериментов⁴.

⁴ Косвенное признание значимости такого рода данных для теории примитивов можно видеть в следующем высказывании А. Вежбицкой: «Если наши неопределяемые <элементы>, или примитивы, не являются интуитивно понятными и самоверифицируемыми (self-explanatory), то они ничего и не объясняют» [Wierzbicka 1999: 27].

В итоге мы можем констатировать: результаты экспериментов носят преимущественно *отрицательный* характер; однако эта отрицательная информация представляется существенной для верной интерпретации такой важной лингвистической категории, как семантические примитивы, и оценки их «психологической реальности».

ПРИМИТИВЫ, СЕМАНТИКА, ПЕРЕВОД⁵

Продемонстрировав эмпирическую неадекватность утверждений, согласно которым конфигурации примитивов обладают «самопрозрачностью» для носителя языка, уместно обратиться к теоретическим аспектам проблемы.

Один из них носит, впрочем, столь же теоретический, сколь и практический характер. Из универсальности примитивов явно или неявно выводят, по существу, отношение абсолютной переводимости между языковыми и речевыми единицами любого произвольного набора языков: коль скоро все можно свести к семантической конфигурации с использованием *одного и того же* языка-посредника — (мета)языка примитивов, переводимость обеспечивается самим фактом такой возможности.

Специалисты по теории перевода, не оперирующие идеями языка примитивов как механизма, опосредующего перевод, часто полагают, что, хотя трудно соотнести слово одного языка со словом другого, трудности во многом элиминируются, когда мы имеем дело со словом в составе высказывания, где контекст снимает неоднозначность слов, ср. [Хэллiday 1978: 43]. Следующий шаг в развитии этой мысли — признание *текста* в качестве уровня, устраняющего неоднозначность, все еще заметную на уровне высказывания (предложения): «Сомнения в переводимости языков возникают на примерах перевода предложений, но не текстов. <...> ...отдельное предложение непонятно, а то же предложение в тексте понятно. Переводятся не слова, не словосочетания и предложения, а мысли о действительности» [Жинкин 1982: 113].

Прочитанное высказывание обращает нас к двум важнейшим проблемам. Первая, как представляется, заключается в том, что, вопреки распространенным взглядам, отраженным, в частности, в работах и Хэллiday и Жинкина, едва ли оправданно «перескакивать» через уровень слова, полагая все трудности решенными благодаря учету

⁵ В настоящем разделе во многом воспроизводятся положения предыдущей публикации одного из авторов.

контекста. Многозначность, действительно вполне обычная для слова, — это отнюдь не единственная, более того, не главная трудность в стремлении обеспечить адекватность перевода. Даже вычленив из веера значений, ассоциированных с данным словом, одно-единственное, согласующееся с контекстом, мы далеко не всегда можем найти ему «хороший» эквивалент. Слова разных языков входят в разные лексико-семантические *системы*, место в которых и определяет их значимость, поэтому семантические совпадения в разных языках — скорее исключение, нежели правило. То, что субъективно воспринимается как такое совпадение, есть чаще всего следствие отнесения к одной и той же *денотативной ситуации* и отождествления ее участников по месту и функциональной роли в рамках ситуации. Однако *концептуализация* как ситуации, так и ее участников, закодированная языковыми средствами, очень часто будет отличаться в разных языках. К более подробному обсуждению этого положения мы еще вернемся.

Вторая проблема, связанная с приведенным высказыванием Жинкина, — это возможные интерпретации положения, согласно которому «переводятся... мысли о действительности». Вне контекста здесь допустимы две интерпретации. При одной из них можно полагать, что речевым произведениям на разных языках, отражающим некий фрагмент действительности (предположительно тот же самый), отвечают разные «мысли» (разные концептуализации действительности), но реально установление соответствия между ними, что и делает перевод возможным. Как, однако, находить эти соответствия? Допустим, узбекскому слову *кўк* отвечает представление («мысль») об участке цветового спектра, которому в русском языке соответствует совокупность значений ‘зеленый-голубой-синий’. Свести одно представление, или концептуализацию, к другому (другой) очевидным образом невозможно — иначе говоря, невозможно соотнести и значения. Возможно лишь выбрать адекватный перевод, опираясь на знание денотативной ситуации, если оно выводимо каким-то образом из контекста. Конечно, здесь налицо асимметрия: рус. слова *зеленый, синий, голубой* будут переводиться с помощью узб. *кўк* (при частичной утрате информации с точки зрения русского языкового сознания); основная же трудность будет заключаться в переводе на русский узб. *кўк*; однако применительно к другим словам соотношение может оказаться прямо противоположным. В любом случае «перевод мыслей», о котором говорит Жинкин, при данном подходе нереалистичен.

Вторая возможная интерпретация высказывания Жинкина — и именно ее имеет в виду сам автор цитированной работы — это

сведение «разных мыслей» к некоторому общему ментальному языку, который Жинкин называл «универсальным предметным кодом». Не анализируя концепцию Жинкина, связанную с указанным понятием, вернемся на этом этапе нашего обсуждения проблемы к теории А. Вежбицкой, в некоторых отношениях определенно родственной представлениям об «универсальном предметном коде».

В сущности, только отпавляясь от постулатов подобных тем, которыми оперирует Вежбицкая, мы можем объяснить «перевод мыслей», предполагаемый Н. И. Жинкиным в приведенном выше высказывании: этот перевод использует универсальный язык-посредник, язык примитивов, так что вместо установления прямого семантического (смыслового) соответствия между разноязычными текстами имеет место сведение семантики исходного текста к языку примитивов, от которого, в свою очередь, осуществляется переход к семантике текста-перевода. Адекватность перевода в этом случае обеспечивается общностью языка-посредника. Естественно, что этот последний следует признать врожденным⁶.

Возникают, однако, некоторые трудности в интерпретации и применении теории Вежбицкой. На некоторые из них уже обращалось внимание в предыдущих публикациях [Касевич 1997].

Как уже приходилось писать в работах, указанных выше, постулат о *лексичности* примитивов фактически не поддается обоснованию; реалистичнее принимать примитивы в качестве собственно семантических сущностей. Это заметно меняет ситуацию, ибо явно затрудняет «экстериоризацию» плана содержания лексем, словоформ и т. д.: мы уже не можем рассчитывать на алфавит однозначных «материальных» элементов, воплощающих ровно один примитив каждый. Любой примитив может оказаться, условно говоря, пятым значением некоторого слова в одном языке и десятым — какого-либо слова в другом. Разное место в сети отношений, определяемой полисемией, ставит под вопрос идентичность примитивов на материале разных языков: примитивы сохраняют семантическую соотносимость, соизмеримость, но утрачивают полную отождествимость.

⁶ В литературе, кажется, не обращалось внимания на некоторую близость категории примитива юнговскому архетипу, ср.: «...в каждой душе присутствуют формы, которые, несмотря на свою неосознаваемость, являются активными действующими установками, идеями в платоновском смысле, предустановливающими наши мысли, чувства и действия и постоянно оказывающими на нас влияние» [Юнг 1997: 216]. Юнг настаивает там же, что «архетипы определены не содержательно, а формально», но это мы не можем здесь обсуждать.

Соответственно существенно затрудняется использование универсального языка-посредника, базирующегося на примитивах. К этому следует добавить то обстоятельство, что в каждом конкретном языке набор примитивов, отвечающий некоторому слову, представляет собой настолько «жесткую» конструкцию, функционирующую как целое, что вычленив в ее составе примитивы, свести к набору смысловых атомов — задача практически чрезвычайно сложная. Вежбицкая сама блестяще анализирует пример драматической ошибки — неадекватного перевода нем. *Angst*, одного из ключевых понятий психоанализа, с помощью англ. *anxiety*, что привело к искажению учения Фрейда на американской почве [Вежбицкая 1999].

Даже в менее сложных случаях, не связанных с теоретическими концептами, приравнивание планов содержания переводных эквивалентов может встречаться с существенными затруднениями. А. Вежбицкая убедительно демонстрирует, например, что англ. *friend* и рус. *друг* не могут считаться семантически тождественными лексемами; им отвечают разные наборы примитивов.

Необходимо также, как представляется, при определении значения в терминах примитивов различать **фило-** и **онтогенетический** подходы⁷. Так, Анна Вежбицкая дает толкования цветообозначений, утверждая, в частности, что ‘зеленый’ — это, огрубляя, цвет, который ассоциируется у человека с цветом влажной зелени: «люди могут подумать о таких вещах, когда видят нечто зеленое» [Wierzbicka 1999]. Однако вызывает сомнение, что люди действительно думают — даже потенциально («могут подумать»), даже подсознательно — о «таких вещах» всякий раз, когда они произносят или слышат слово *зеленый*. На самом деле здесь мы имеем дело с филогенетическим подходом: таково **происхождение** семантики слова *зеленый*. Что же касается онтогенетического, равно и синхронного (индивидуально-синхронного) подхода, то ‘зеленый’ есть тот цвет, о котором говорят *зеленый*, — и этим утверждением проблема исчерпывается.

Здесь следует специально отметить два пункта. Первый: семантика имен собственных с этой точки зрения не отличается радикально от семантики имен нарицательных. Мы безусловно правы, когда формулируем, что ‘X есть Джон, если и только если его зовут *Джон*’. Аналогично, как, по существу, сказано выше, ‘X есть *зеленый*, если и только если о нем говорят *зеленый*’. Отличие имен нарицательных

⁷ Здесь и ниже с небольшими изменениями воспроизводятся положения работы [Касевич 1997a].

с этой точки зрения заключается в том, что их семантика разложима в терминах семантических примитивов — если, конечно, они сами по себе не отвечают семантическим примитивам. Последнее, в сущности, означает, что семантика нарицательных имен системна.

Второй пункт: как нетрудно видеть, семантическая формула, приведенная выше, формально воспроизводит условие истинности по Альфреду Тарскому и целому ряду других логиков, философов и семантиков. В этой традиции утверждается, например, что ‘трава зеленая’ — истинно, если и только если трава зеленая (из лингвистических работ см. об этом, например: [Fodor 1980a]). Но Тарский и другие пытаются «очистить» классическое определение Аристотеля от обращения к реальному миру, замкнув его рамками языка, что едва ли правомерно: они хотят ввести в рамки культуры то, что на самом деле лежит на пересечении культуры и «натуры» (трава сама по себе — вне культуры, лишь ее концептуализация, в том числе в аспекте цвета, принадлежит культуре). В отличие от этого квазитавтологию определение семантики типа ‘X есть зеленый, если и только если о нем говорят *зеленый*’ закономерно, поскольку оно прямо отражает конвенциональность и произвольность знака (в сосюрвовском смысле соответствующих терминов).

ПРИМИТИВЫ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИИ

Несмотря на постулат Вежбицкой, согласно которому примитивы носят лексико-семантический характер, в ряде случаев автор пользуется ссылками на «смежные области», говоря о соотношении примитивов с категориями психологии и логики. Так, в написанном ею совместно с Годдардом разделе коллективной монографии [Goddard, Wierzbicka 1994] находим такую ссылку на логические параллели: «THE SAME и LIKE приблизительно соответствуют двум фундаментальным логическим отношениям — тождеству и сходству» [Ibid.: 41]; в другом случае, напротив, утверждается, например, что «NO нельзя отождествить с абстрактным и безличным отрицанием в логике» [Ibid.: 43].

Важнее, однако, рассмотреть не столько конкретные схождения и расхождения семантических категорий с логическими и психологическими, сколько само по себе соотношение примитивов, их конфигураций с известными концептами в системах логики и психологии. Некоторые аспекты этой проблемы уже затрагивались в предыдущем разделе, здесь она же будет рассмотрена в более общем виде. Начнем с психологии.

Теорию А. Вежбицкой и родственные ей нередко относят к когнитивной парадигме. Не вдаваясь в обсуждение общего вопроса об обоснованности выделения когнитивной лингвистики в качестве особой парадигмы [Касевич 1998], заметим, что представители когнитивной лингвистики, насколько можно судить, в общепсихологическом и философском плане тяготеют скорее к менталистским, холистским и функциональным направлениям, нежели к позитивистским, структуралистским и элементаристско-редукционистским. Между тем исследовательская практика применения примитивов обнаруживает свою близость именно к последним. Кажется показательным привести описание основных теоретических принципов психологической системы Э. Б. Титченера, обычно считающегося основателем структурной психологии: «Согласно Титченеру, тремя основными задачами психологии являются:

1. Разбиение сознательных процессов на простейшие составляющие.
2. Определение законов, по которым происходит их объединение.
3. Связь элементов сознания с физиологическими состояниями.

<...> В своих «Очерках по психологии» (1896 г.) Титченер представил список элементарных ощущений, выявленных им в процессе исследования. Список включал в себя более 44 000 наименований...

Являясь базовыми элементами, не подлежащими дальнейшему делению, они, подобно химическим элементам, могли быть объединены в отдельные группы» [Шульц, Шульц 1998: 126]. Если отвлечься от несущественного в нашем контексте третьего пункта программы Титченера, как ее излагают историки современной психологии, то сходство с анализом «по примитивам» представляется разительным (хотя, как видим, у Титченера никоим образом не было «боязни больших чисел»: он смело оперировал не десятками, а десятками тысяч примитивов). Нетрудно усмотреть здесь и связь с простыми (первичными) и сложными идеями Локка и др.

Вежбицкую иногда упрекали в отсутствии грамматики у разработанного ею (лексико-)семантического метаязыка, что не вполне соответствует действительности (подробно об этом см. [Падучева 1996]). Другой вопрос — достаточна ли эта грамматика для обеспечения *целостности и связности* «текстов», которые выступают как конфигурации примитивов. Ведь именно грамматика превращает разрозненные наборы элементов языка в структуры, несущие информацию. Не в «слабости» ли грамматики кроется внутренняя причина недостаточной определенности конфигураций примитивов, которая, в частности, препятствует их «самопонятности»?